

У камина

(Изъ воспоминаній о В. Ф. Коммиссаржевской).

На-дняхъ исполнилась вторая годовщина со дня смерти Вѣры Федоровны Коммиссаржевской.

Въ Москвѣ у Незлобина служитъ режиссеромъ братъ ея—Федоръ Федоровичъ Коммиссаржевскій.

Его перу и принадлежатъ нѣсколько нижеслѣдующихъ строкъ-воспоминаній.

Въ свободные вечера зимой В. Ф. любила сидѣть одна въ своемъ кабинетѣ противъ горящаго камина. Она любила этотъ каминъ, такъ живого человѣка, вообще, она относилась къ вещамъ, какъ къ предметамъ одушевленнымъ; томно, она говорила:

— Когда я уѣду изъ этой квартиры, я возьму каминъ съ собою, если домохозяинъ не позволитъ, я разобью его на мелкіе куски.

Она гасила электричество и забиралась съ ногами на большой диванъ, обитый зеленымъ сукномъ. Забившись среди подушекъ въ уголокъ дивана, она часами могла сидѣть, смотря на горячіе угли и на вспыхивающіе синіе огоньки. У нея была странная любовь къ этимъ горящимъ углямъ: когда изъ каминной пасти съ трескомъ выпрыгивалъ красный уголекъ, она соскакивала съ дивана, брала его въ руки и, перебрасывая съ ладони на ладонь, чтобы не обжечься, одна смѣялась и чему-то радовалась.

Кто зналъ В. Ф. въ жизни общественной человѣкомъ серьезнымъ, кто зналъ ее только, какъ артистку, никогда бы не могъ повѣрить, какимъ страннымъ ребенкомъ была она въ интимной своей жизни. Періоды совершенно дѣтскихъ восторговъ и капризовъ смѣнялись у нея періодами, когда она уходила отъ всѣхъ на свой диванъ или брала извозчика

и безцѣльно, одна, ѣздила по улицамъ Петербурга, или вставала среди ночи съ постели и часами ходила изъ угла въ уголокъ; она до слезъ огорчалась, когда ей мѣшали, нарушали эти періоды ея самоуглубленія, мысленнаго и душевнаго удаленія. Богъ знаетъ, куда, въ области, вѣроятно, доступныя ей одной. Въ одиночествѣ, среди тишины и молчанія, она находила свое вдохновеніе; какъ она сама говорила, лучшія ея роли были сдѣланы ею ночью, когда все спало. „Я вдругъ просыпалась и въ нѣсколько ночныхъ часовъ дѣлала то, что не смогла бы никогда сдѣлать, если бы мнѣ въ это время помѣшали“

Въ одиночествѣ же, лѣтомъ—на берегу моря, въ лѣсу,—она находила рѣшеніе всѣмъ вопросамъ, всѣмъ чувствамъ, накопившимся въ ней въ теченіе сезона.

Она была очень замкнутой, не смотря на кажущуюся откровенность. Она очень любила людей, но, несмотря на это, ея душа среди другихъ людей молчала; на людяхъ эта душа говорила только на сценѣ. Все, что окружало ее, воспринималось ею такъ сильно и остро, что ея душа испуганно замыкалась. Она очень часто не могла противиться даже гибельному для нея воздѣйствію окружающаго, не могла до тѣхъ поръ, пока не приходилъ часъ ея самоуглубленія. Этого часа она не могла создать сама, нужно было, чтобы ея душа переполнилась; она мучительно ждала всегда этого часа.

Противное ея душѣ окружающее ее мѣшало ей и работать. Чеховъ писалъ ей послѣ ея ухода съ Императорской сцены:

„Вы, вѣдь, артистка, а это то

же самое, что хорошій морякъ; на какомъ бы пароходѣ, на казенномъ или частномъ, онъ ни плавалъ, онъ всюду, при всѣхъ обстоятельствахъ, остается хорошимъ морякомъ“. Но для нея театръ, въ которомъ она работала, былъ неотдѣлимъ отъ нея самой, и, если она разочаровывалась въ этомъ театрѣ, если она переставала любить ее окружавшее, то, чтобы не измѣнить своей душѣ, не погубить ее, она должна была оторвать себя отъ него, хотя бы ей пришлось заплатить за это жизнью.

Послѣ долгихъ страдальческихъ думъ покинула она казенную сцену, открыла свой театръ, реформировала его и, наконецъ, передъ смертью бросила сцену, въ которую перестала вѣрить, но которую не переставала любить, покинула для того, чтобы создать иную сцену—съ новыми людьми, которыхъ она хотѣла приготовить въ своей безкорыстной школѣ, которую, конечно, она никогда бы не открыла, потому что у нея не было средствъ, а, если бы и открыла, тотъ тоже разочаровалась бы въ ней, такъ какъ безъ средствъ ея замыслы не могли быть осуществлены, а безкорыстно на помощь ей врядъ ли кто-нибудь пришелъ бы, какъ никто не пришелъ на помощь ея театру, воспоминаніе о которомъ, несмотря на короткій срокъ его существованія, будетъ всегда радостнымъ для всѣхъ, любящихъ подлинное искусство. Работа этого театра положила основаніе для зданія будущаго театра. Слѣды этой работы ясно замѣтны сейчасъ на всѣхъ русскихъ сценахъ.

Ф. Ф. Коммиссаржевскій.

Московская Газета, Москва, 1912, 13 июля